

И. А. ИЛЬИН

Церковь и жизнь

Казалось бы, что может быть для верующего человека естественнее и бесспорнее, чем приобщение человеческой жизни к церковности и введение Благодати, несущей и строящей Церковь, в самые недра жизни? Казалось бы, можно ставить не вопрос о желательности и драгоценности этого сближения, а лишь о формах и способах его осуществления... И тем не менее эта проблема гораздо труднее и сложнее, чем это кажется. Мало того, неверное разрешение ее таит в себе великие опасности и для Церкви, и для жизни; и люди, не продумавшие этих трудностей и сложностей, могут все исказить и навредить.

Прежде всего понятие «жизни» включает в себя необъятное множество людей (ныне жителей на земле считается около двух с половиной миллиардов), из коих множество принадлежит к **различным** церковным союзам, а другое множество, формально пребывающее в той или иной церкви («зарегистрированное»...), **утратило всякую веру**, а следовательно и церковную принадлежность. Как же возможно осуществить «оцерковление жизни» с такими людьми? Далее, кто желает «оцерковления», тот, наверное, имеет в виду **единый процесс** и единую «Церковь» и вряд ли будет склонен сочувствовать и содействовать подчинению **всей жизни всех людей** тем другим церковным обществам, которые отвергают его собственную «церковь» как ложную, еретическую и погибельную. Можно, конечно, закрыть себе глаза на это множество церковных обществ и объявить все иные «церкви» **мнимыми**, в сущности, не существующими, вредной или даже губительной фальсификацией; но такое намеренное невидение, такое отрицание несколько не разрешит проблему и не укажет никаких путей, ведущих к сближению церкви и жизни.

Статистические данные конца тридцатых годов (1937) исчислят, что католиков имеется около 400 млн., протестантов (всех

толков) 208 млн., греко-православных 165 млн., других христиан 14 млн., иудеев (до второй мировой войны) около 15 млн., магометан 310 млн., буддистов 227 млн., конфуцианцев и «предкопклонников» 300 млн., таоистов 30 млн., шинтоистов 20 млн., индуистов (Сикки и Джайны) около 280 млн., примитивных культов около 100 млн. и, наконец, свободомыслящих, атеистов и безрелигиозных людей (вне-церковных, вне-исповедных, «безбожников») по самому скромному подсчету около 60 млн. О каком же едином «оцерковлении» может идти речь? Кто будет сочувствовать и содействовать ему? И ради чего? А в эту статистику включены далеко не все религии! Что же, все «иные» религии и церкви следует упразднить и ввести одну единую? Которую? Скажем прямо, что те, кто ставят вопрос **так**, просто не знают истории человечества и не понимают самой глубокой сущности религии и религиозности... И так же наивно думать, что католики способны поставить идею «оцерковления вообще» выше идеи католичества...; или что протестанты будут содействовать оцерковлению жизни у магометан, православных и огнепоклонников...; или что шинтоисты захотят православного оцерковления всей жизни...

Итак, при первом же соприкосновении с жизнью идея единого оцерковления оказывается иллюзией, а соответствующая ей **программа** — заблуждением. **Не следует ставить этот вопрос в едином мировом масштабе.** Многообразие религиозного опыта, догматических учений и церковной организации таково, что эта проблема оказывается **мнимой и неразрешимой**: сами верующие не позволяют друг другу ни поставить, ни разрешить ее, ибо начнется всемирная религиозная резня.

Следовательно, говорить об «оцерковлении жизни» возможно **только в пределах отдельных религий и исповеданий.** Отдельное, своеобразное «оцерковление» может оказаться осуществимым (или неосуществимым) в пределах Джайнизма, отдельное — в пределах Лютеранства, особое в пределах Шинтоизма, своеобразное — в магометанстве, иное — в Католичестве, иное — в Православии. И поэтому нам, православным, следует оставить в стороне иные религии и исповедания и спросить себя о возможности и желательности оцерковления жизни у **православных народов.**

И вот, первое, что необходимо установить: при неверном понимании вопроса — и Православной Церкви, и жизни православных народов может грозить **опасность церковного тоталитаризма.**

В самом деле, когда мы говорим об оцерковлении жизни, то мы должны иметь в виду два пути: 1. Жизнь свободно воспримет

благодатный дух Церкви. 2. Церковь воспримет все, по существу **своему нецерковные** задачи жизни и вложится в их разрешение.

1. Первый путь кажется естественным и самоочевидным; чем больше религиозной благодати в жизни, тем жизнь будет качественно выше, тем ближе к совершенению и осуществлению будет второе прошение молитвы Господней: «да придет царствие Твое». Условием же этого пути является лишь одно: **сама церковь должна блюсти Дух свой и обретаться на высоте**. Нет этого — и останется одна церковная видимость, иллюзия, сущий соблазн и разложение. Люди будут называть «Церковью» то, что этого названия не заслуживает, и ожидать Благодати как бы из пустого сосуда. Утрата чистоты сердца и молитвенного горения, искажение христианского духа, порочность духовенства, всяческая продажность и интрига, «святокупство», явное или тайное торжество лжи и все другое соответственное, — все это может лишить церковную организацию Света, Силы и Благодати и помещать всякому «оцерковлению» человеческой жизни. Всемирная история знает целые эпохи такого упадка, и последствия его были уже не раз вскрыты и описаны.

Таков, в основных чертах, первый путь.

2. Но есть еще второй путь «оцерковления жизни». Он состоит в том, что церковь вступает в жизнь, как **властное и всеобъемлющее** начало и начинает осуществлять своего рода **церковный тоталитаризм**. История знает тому живые примеры (вспомним хотя бы *Савонаролу** во Флоренции и *Кальвина** в Женеве); но вряд ли удастся найти такой пример, который оправдал бы это посягание.

Начнем с того, что при строе церковного тоталитаризма, — все **нецерковные** и **иноцерковные** люди оказываются в положении жизненных «изгоев». Полноправными членами общества и государства являются только люди определенного исповедания и церковной приверженности. Вся власть в делах жизни принадлежит церкви; а церковь дает полноправие только одним **своим** членам и притом **покорным членам**. Церковно-верующие получают своего рода привилегию или даже монополию бытия; «церковность» — дает им жизненную «премию». Отсюда в истории человечества возникало **стремление неверующих симулировать веру**, чтобы не «остаться за бортом», готовность притворяться ради жизненной «премии»; и в результате возникало что-то вроде церковного «фашизма». Люди определенного исповедания образовывали как бы центральное и исключительное ядро общества и государства, клерикальную «аристократию», всемогущую и всеуправляющую «знать», быть может наполовину состоявшую

из лжецов и симулянтов. Путь вел **через религиозную ложь** к власти, и церковное разложение становилось неминуемым.

В то же самое время церковь становилась как бы «всем во всем»: она распространяла свою власть на **всю жизнь человека** и пыталась нести **совершенно неудобноносимое для нее бремя государственности**. Понятно, что тот, кто за что-нибудь берется, тот за то и отвечает, — за успех и за неуспех, за порядок и за хаос, за расцвет народного хозяйства и за его упадок, за подъем национальной духовности и за ее разложение. Тоталитарная церковь остается подчиненной этому **закону ответственности**. Вытесняя и заменяя своею властью государство, она берет на себя **все его функции и всю его ответственность**. Она должна не только вникать в вопросы политики и хозяйства, но разрешать их, **отвечая за все и всякие последствия**. Тоталитарная церковь должна содержать **армию и полицию** (внешнюю, уголовную и политическую); оружейные заводы, «разведку» и «контрразведку»...; она должна организовать суд, строить тюрьмы и совершать казни (вспомним Инквизицию и казнь *Сервета** у Кальвина); она должна вести войны и заключать мир, она должна усмирять беспорядки, собирать налоги, созидать флот, изощряться на всех кривых путях дипломатии; она должна прокладывать каналы и железные дороги, организовывать биржу, регулировать проституцию; мало того, ей придется подчинить себе науку (вспомним историю *Галилея*!*), искусство во всех его отраслях — от литературы до живописи (вспомним картины *Боттичели**, сожженные Саванаролою), от комедии до балета. Иными словами, тоталитарная церковь должна будет **окунуться с головой в тот поток мирских соблазнов и мирской грязи, в которых плывет человеческая жизнь**. Само собою разумеется, что она должна будет добиваться **успеха** в этих соблазнах и в этой грязи... Ибо всякий политический, хозяйственный и военный неуспех будет ударом по тоталитарной церкви, компрометирующим ее, в сущности, все еще Церковное дело...

И в результате всего этого — ее благодатное служение (служение Благодати и служение Благодатью) отойдет на дальний план, сократится или прекратится совсем.

Тоталитарная церковь есть нечто духовно-неверное и в высшем смысле противоестественное. Ибо дело церкви — есть дело любви и **свободы**, а не **принуждения**. Она призвана религиозно воспитывать людей **в свободе и к свободе**, умилять сердца, очищать их, радовать их добровольным и радостным обращением, а не побуждать людей к симулированию неиспытываемой ими веры. Она должна быть верна великому религиозному закону

«синэргии», т.е. свободного «сотворчества» Духа Божия и духа человеческого в жизни людей. Это неверно — заменять человеческую, лично-духовную жажду Божественного — «премиями» и принуждениями тоталитарной церковной власти. Это противоестественно — строить религию и религиозную жизнь людей не на любви, а на страхе и расчете.

Поэтому **тоталитарное тяготение совсем не должно иметь места в сердцах духовенства и в делах церкви.** Ибо **цельность веры и религии** — эта высшая драгоценность духа — должна распускаться, как цветок в душе человека, а не навязываться ему в качестве авторитарных велений, сопровождаемых угрозами и страхом: религиозная цельность не может быть предписана и навязана; она может быть только свободно выношена человеком под влиянием свободно воспринятой Благодати. Она подобно пению; и именно поэтому пение имеет такое большое значение и применение в церковном богослужении. Пение сердца **невынудимо.** И это необходимо всегда помнить.

Именно поэтому невынудимо и самое «оцерковление» жизни. Оно может расцвести только свободно и будет искажено и погублено всякими тоталитарными замыслами и попытками. Естественно, что **церкви есть до всего дело в жизни людей**, но это «дело» не есть дело принудительной власти, все равно — открыто выступающей с угрозами и казнями, или прикровенно организуемой интригами и закулисным нажимом. Церковь призвана молиться, совершать таинства, очищать души, беречь откровение и возжигать сердца. Но она отнюдь не призвана отнимать у людей свободу самостоятельного созерцания, выбора, решения и творчества.

Мало того: **она призвана отпускать людей в мир для мирского и мирового труда, излучать живую религиозность в этот труд, осмысливать его перед лицом Божиим и, предоставляя людям свободу вдохновения, наполнять это вдохновение духом христианской Благодати** (см. об этом в номере 114 «Наших Задач» — «Опасности и задания русского национализма», II).

И невольно вспоминается мне беседа моя с *Архиепископом Латвии Иоанном Поммером**, впоследствии священномучеником, человеком высокой мудрости и духовной силы. Он рассказывал мне, как один католический прелат публично спросил его, «почему это православная церковь не занимается благотворительностью, завещанною нам всем в Евангелии?» И как он ответил ему: «Дело Православной Церкви есть не дело стяжания и перераспределения земных благ, что ведет к ложному накоплению и ложному миссионерству, но дело пробуждения живых челове-

ских сердец к любви, милосердию и благотворительности... В России благотворительность цвела, как редко где; но исходила из личной живой доброты, пробужденной духом Православия»... — Ибо Церковь призвана излучать благодать в сердца верующих, а не участвовать в земных расчетах земной толкотни...

Именно в этом обнаруживается, что «оцерковление жизни» имеет более глубокий и таинственный смысл, чем это многие думают. «Оцерковление» не сводимо к «ритуализации». Оно есть больше всего и прежде всего **христианское одухотворение человеческого сердца**; а потом уже — все остальное. Церковь как носительница и хранительница Христова откровения, есть живое огнище, а не властное водительство; она есть источник любви и благодатного совета, а не педантический нажим на человеческую жизнь; она есть зов, а не приказ. Она не призвана отвращать людей от мира, как в Буддизме, но, напротив, **отпускать их в мир, как носителей преподанного им Духа для того, чтобы не мир «обмирщал» их, а чтобы они его одухотворяли.**

И в этом главное.

Таков был путь Православия в России за последние два века. Так, в особенности XIX век дал России дивный расцвет духовной культуры. И расцвет этот был создан людьми, «окормленными» духом Православия, но творившими совершенно свободно, «отпущенными» в мир для свободного созерцания и труда. Они уносили дарованный им дух в своих сердцах, но не ведали ни церковного тоталитаризма, ни даже непосредственного клерикального руководства, ибо поучения и советы великих русских Старцев (хотя бы Оптиной пустыни) очищали, углубляли и умудряли человеческие души, но никогда не претендовали на авторитарное руководство русским творческим талантом. И если мы пройдем мыслью от Пушкина к Лермонтову, Гоголю, Тютчеву, Л. Н. Толстому, А. К. Толстому, Достоевскому, Тургеневу, Лескову, Чехову, — то мы увидим гениальное цветение русского духа **из корней Православия**, но не под руководством церкви. И то же самое увидим мы в других ответвлениях русского искусства, в русской науке, в русском правотворчестве, в русской медицине, в русской педагогике и во всем. Православная церковь молилась, учила и благодатствовала, а в прочем оставляла русским людям инициативу труда и созерцания.

Думаем и надеемся, что так будет и впредь.

